

ХАКСЛИ (Huxley) Олдос (1894–1963)

Имя современного английского писателя попадает в сферу интересов русской критики только однажды — в статье В.Вейдле “Путь Олдуса Гексли” (ПН. 1937. 27 марта), как “изящный рассказчик, острый наблюдатель, иронический изобразитель современного английского общества”. Говоря о первом ставшем известным русскому читателю романе “Контрапункт”, В.Вейдле обращает внимание на то, что “письмо Хаксли в этой книге было таким же легким, разве немного более подчеркнутым, чем в первых его рассказах, его манера рассказывать приближалась, как и прежде, скорее к континентальной, особенно, французской, чем к островной традиции; только ирония уже и там все чаще превращалась в сарказм, и смех становился все более горьким”. Казавшаяся напряженной, более беспокойной, чем ранние романы, эта книга теперь, после появления новой, представляется критику “не более чем веселой комедией нравов”. Роман, изменивший мнение автора статьи, — “Слепой в Газе”. Напоминая читателю об образе ослепленного силача из мильтоновской трагедии, исследователь обращает внимание, что мотив “порабощенного героя, скованного человека в нашем мире, часто явля-

ется нам на страницах книги, хотя никогда не открыто, всегда лишь в намеках и уподоблениях. Роман вообще никакими аллегорическими приемами не пользуется, но люди и судьбы, изображенные в нем, символичны для нашего времени. Судьбы эти почти всегда “трагические”, безнадежно лишенные смысла, и потому неспособные стать истинной трагедией”.

Книга эта менее всего похожа на “Контрапункт”, и когда критик ищет источник этого несходства, то вспоминает другую книгу Х. — “О новый дивный мир”. “Эта саркастическая утопия обозначает важную ступень в развитии ее автора, если не как художника, то как мыслящего человека”. Истоки такого отношения к жизни автор статьи склонен искать в биографии писателя, изобилующей контактами Х. с представителями ученого мира, и как следствие, воспринимающего человеческую личность механистически. Это проявляется прежде всего в усложнении формы повествования: “Мозаика тут относится не только к пространству, но и ко времени”. Оправдание такому построению текста В.Вейдле находит в том, что новая книга построена вокруг одной центральной судьбы, и все ее персонажи с этой судьбой так или иначе связаны. “Различные эпизоды книги, различные пласты ее протекания во времени, суть как бы перемежающееся воспоминание Энтони Бивиса, который показан нам в первой главе рассматривающим старые фотографии. Совершенно естественно, что воспоминания не укладываются в простую хронологическую рамку; память не подчинена порядку, установленному для мемуаров”. Структура этого романа представляется критику неким “превосходным единством”, производящим большее впечатление, чем “Контрапункт”. Другую причину исключительного превосходства “Слепого в Газе” он видит в тоне повествования, более жестком, более мрачном, “полном нередко настоящего отчаяния”. В судьбе главного героя Вейдле видит главный смысл книги. “Энтони проходит по прямой линии от Филиппа Куорльса, а этот последний несомненно то из действующих лиц “Контрапункта”, которое отчетливее всего отражает характер и умственный склад его автора. Ничто не указывает лучше на разницу двух романов, чем как расстояние между этими двумя героями, и при том отличаются они не как два разных существа, а как два момента в развитии той же личности”.

Анализируя заключительный эпизод книги, где Энтони встречается с врачом Миллером, оказавшим на него преобразующее влияние, автор статьи сомневается в убедительности этого. “Непротивление злу, пацифизм толстовского пошиба есть, прежде всего, нечто слишком бед-

ное, только отрицательное, чтобы убеждать, чтобы глубоко привлекать души”. Более важным представляется автору не то, что находит Энтони в общественной деятельности и что лишь первая ступень в его дальнейшем восхождении, “важно, что он ищет и ищет упорно”. В заключение статьи говорится, что “если новая книга Х. его лучшая и самая волнующая книга, то это не потому, что он предлагает в ней выход из положения едва ли не безвыходного, а потому, что в ней высказывается его настороженность, его тревога, и высказывается заразительно. Ее значение в самом рассказе, в тоне рассказа, в глубоком усмотрении того тупика, куда зашел современный мир, и в упорном желании из него выйти, пока не поздно”.

В.В.Сорокина